

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ

МЕФИСТОФЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Цветков

Мефистофель русской истории

<https://litres.ru/72030100>

SelfPub; 2025

Аннотация

В своём очерке Сергей Цветков представляет фигуру Августа Людвиг Шлёцера немецкого историка XVIII века, сыгравшего ключевую роль в становлении русской историографии и развитии норманнской теории.

Шлёцер, прибывший в Россию в 1761 году, вскоре вступил в научную полемику с Михаилом Ломоносовым, содействовал публикации Истории Российской Василия Татищева и стал одним из авторов норманнской теории, утверждавшей скандинавское происхождение Рюрика.

Цветков исследует влияние Шлёцера на развитие российской историографии, его вклад в изучение древнерусских летописей и формирование концепции русской истории. Особое внимание уделяется анализу научных методов немецкого историка, его полемике с российскими учеными и спорным аспектам его исследований.

Автор поднимает вопрос о роли иностранного ученого в формировании национального исторического самосознания и о том, как личные убеждения исследователя могут влиять на интерпретацию исторических фактов.

Содержание

Опасное плавание	4
Переодетый маркиз	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Цветков Мефистофель русской истории

Опасное плавание

Вечером 21 сентября 1761 года из порта Травемюнде вышла в море выдавшая виды шхуна. Целью плавания был Петербург – торговая Мекка европейских негодциантов в самом дальнем углу Балтийского моря. Судно зафрахтовал один из купеческих домов Любека, имевший контору в русской столице.

Кроме команды, на борту находилось тринадцать пассажиров, и среди них молодой человек лет двадцати семи, по виду из учёных господ, но в наброшенном на плечи бараньем тулупе, обшитом грубой материей (красная цена такому на любекском рынке – четыре-пять рейхсталеров). В пассажирском списке он значился под именем Августа Шлёцера, магистра Гёттингенского университета. Восемнадцатью годами позже неизвестный художник снимет с него портрет – узкое лицо с длинным, выступающим вперёд подбородком, упрямый изгиб плотно сомкнутых губ, цепкий взгляд тёмных глаз из-под сросшихся соболевых бровей. Вероятно, и

в молодости он производил впечатление целеустремленной натуры.

Это было его третье морское путешествие, которое едва не стало для него роковым.

Август Людвиг Шлёцер появился на свет 5 июля 1735 года в местечке Гагштадт, близ Кирхберга¹ (графство Гогенлоэ-Кирхберг на юго-западе Германии). Родители его принадлежали к духовному сословию. Отец, Иоганн Георг Фридрих, был потомственный лютеранский священник. Мать, София Катерина, происходила из семьи сельского пастора.

Месяц спустя, под жарким августовским солнцем, мимо Гагштадта устало промарширует двадцатитысячный корпус генерала Петра Ласси, посланный государыней Анной Иоанновной на помощь австрийской армии, действующей на Рейне против французов. Впервые русский солдат протопает насквозь всю Европу. Звуками полковых труб и барабанов Россия обозначит своё, пока ещё незримое, присутствие в жизни Шлёцера.

Ещё через три года в Кирхберге начнётся перестройка в стиле барокко средневекового графского замка, которая растянется на четверть века. Увидеть её окончание Шлёцеру не придётся. Когда ему исполнится пять лет, умрёт его отец, и маленький Август навсегда покинет родные места.

Осиротевшего ребёнка поначалу пристроят в дом его деда по матери, пастора Гайгольда. У этого семидесятидвухлетне-

¹ Современный Кирхберг-ан-дер-Ягст (Кирхберг-на-Ягсте).

го старца ещё достанет сил, чтобы взять на себя руководство воспитанием внука. Читая и разъясняя мальчику Библию, он пробудит в нём будущую страсть – изучать и толковать слова, а познакомив с начатками латыни, положит начало его полиглотству.

Дедовы уроки помогут Августу поступить в школу в Лангебурге. Однажды, получив от десятилетнего внука письмо, написанное на безупречной латыни, пастор Гайгольд похлопочет о его переводе в латинскую гимназию в Вертхайме, где начальствует Иоганн Кристоф Шульц, женатый на старшей сестре Софии Катерины. Дом Шульца станет пристанищем Августа Шлёцера на следующие шесть лет.

К тому времени Шлёцер чувствует себя уже настолько самостоятельным, что решительно отказывается от роли малолетнего сироты-иждивенца. Его учёности хватает на то, чтобы зарабатывать на жизнь уроками латинского. Шульц расширяет эрудицию племянника, занимаясь с ним библеистикой и ещё тремя языками – греческим, еврейским и французским.

Взрослые удивляются тому, какими голодными глазами мальчик смотрит на книги. И хотя в дядином доме имеется превосходная библиотека, он со своих скромных учительских заработков прикупает дешёвые издания Эльзевиров и поглощает их днём и ночью, словно никак не может насытиться чтением. Не пройдёт и двух лет, как запойные штудии «карманных» томиков с мелким шрифтом водрузят на

его детский нос толстые стёкла очков.

С особенной силой воображение юного книгочея будоражат книги о путешествиях и путешественниках – людях, которые подарили громадному театру человеческой истории новые подмостки размером в десятки и сотни тысяч миль. Термин «робинзоада» уже в ходу, и Шлёцер с упоением набрасывается на приключения всех Робинзонов, каких только может достать, старых и новых, умных и глупых, вымышленных и существовавших на самом деле. К его услугам около полусотни подобных изданий только на немецком языке.

Не заблудиться в дебрях экзотических названий стран, морей, рек и городов Шлёцеру помогает книга Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание из старой и новой географии» (1693) – лучший учебник географии того времени, переведённый на все европейские языки. Возможно, во время чтения о приключениях Робинзона в России через его руки прошёл и своеобразный путеводитель «Россия или Московия, а также Тартария с топографическим и политическим комментарием» (1630).

1751 год приводит шестнадцатилетнего Шлёцера под своды университета в Виттенберге. Он определяется на богословский факультет, так как родня прочит ему духовную карьеру, но после защиты тремя годами спустя диссертации *De vita Dei* («О жизни Бога») теряет всякий интерес к богословию и церковной жизни. Им овладевает жажда научных знаний – о религии, истории, географии, филологии, обществе,

народах. Чутьё подсказывает ему, что за последним словом науки следует обращаться в Гёттингенский университет, и Шлёцер переводится туда.

Гёттинген расположился посреди живописной долины, окаймлённой зелёными отрогами Гарца, в окружении шести десятков сёл и местечек. Воды местной реки Лайне, как считалось, оказывали оздоравливающее действие при «каменной болезни» (отложениях камней в желчном пузыре).

Небольшой город (полмили в окружности) утопает в садах. Широкие улицы выстланы камнем и обведены по краям тротуарами. Домовладельцы тщательно следят за внешним видом зданий, опрятностью и чистотой помещений, поскольку большинство жителей получают доход от сдачи комнат внаём десяткам профессоров и сотням студентов, среди которых встречаются весьма знатные особы.

Гёттингенский университет² всего на год старше своего новоиспечённого студента, однако слава о нём уже гремит по всей Германии. Здесь царит свобода преподавания, по английскому образцу, то есть без богословской цензуры, что привлекает в Гёттинген лучших профессоров. Иоганн Лоренц читает курс прагматической церковной истории, Иоганн Матиас Геснер – классическую филологию.

Но подлинного любимца студенческой братии зовут

² Основатель этого учебного заведения, ганноверский министр барон Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688—1770), приходился двоюродным братом знаменитому барону-рассказчику.

Иоганн Давид Михаэлис. Он – знаток еврейских древностей, библейской экзегетики и восточных языков, автор первого научного комментария к Ветхому Завету. Впоследствии его признают основателем новой школы исторической критики. Для лучшего понимания смысла письменных памятников он требует их всестороннего изучения. Его метод таков: следует тщательно перебрать текст слово за словом подобно тому, как хозяйка перебирает горку горошин; уяснив точный смысл каждого слова, необходимо сравнить его с похожими словами в родственных языках, после чего изучить исторический быт народа, из чьей среды вышел памятник, и сопоставить его с обиходом современного Востока, причём историко-критический анализ текста необходимо подкрепить данными медицины, естественных и других наук.

При таком подходе казалось, что древний памятник оживает и начинает говорить на своём подлинном языке, бросая истинный свет на исторические эпохи, доселе скрытые за плотной завесой неизвестных или ложно понятых слов.

Михаэлис обаятелен и молод. Ему тридцать четыре года – как раз столько, чтобы между ним и юным Шлёцером ещё могла возникнуть духовная привязанность. С радостью мастера, обретшего настоящего ученика, он занимается огранкой его интеллекта и указывает цель, с высоты которой жизнь способна приобрести очертания судьбы. Встречу с Михаэлисом Шлёцер впоследствии считал истинным счастьем, неожиданным подарком providения.

О провидении он мыслит отнюдь не абстрактно. В Гёттингене его захватывает чувство предуготованности к великому свершению. Под влиянием Михаэлиса юношеское увлечение романтикой странствий преобразуется в замысел большого путешествия на Ближний Восток, которое должно стать фундаментом для подлинно научного изучения Библии. Шлёцер смотрит на эту поездку как на высшее служение и окончательно отказывается от церковной карьеры. «Прежде, – пишет он матери о своём решении, – действительно не о чем было больше думать; но потом я сам заметил в себе божественное призвание, влекущее моё сердце к предметам высшим. Я принял намерение совершить далёкое и дорогостоящее путешествие, и в доказательство, что это намерение есть действительно божественное призвание, Провидение указало мне пути, которые пред глазами всех людей таинственны и совершенно неожиданны. На таком-то пути я нахожусь теперь, и дело, которым я занимаюсь, есть Божие дело. Кто хочет мешать этому делу намеренно, из своекорыстных целей, тому я буду противиться во имя Бога, меня призывающего; кто же будет мешать моему делу по неведению, о том я сожалею и молю Всевышнего, да отпустит ему грех его».

Шлёцер понимает, что для осуществления задуманного нужна основательная подготовка. Прежде всего он налегает на арабский язык и всего за год овладевает им настолько, что с успехом заменяет студентам Михаэлиса во время его болезни.

Но главная забота – деньги. У юного Гёттингенского дарования нет ни знакомств, ни научного имени, а значит, нет и желающих покрыть расходы на дорогостоящую экспедицию. Приходится рассчитывать только на собственные силы. И Шлёцер начинает сколачивать необходимый для поездки капитал.

У него нет другого пути, кроме как подороже продать товар, который в избытке хранится в его голове – знания. В 1755 году по рекомендации Михаэлиса он получает место домашнего учителя в Стокгольме и договаривается с владельцем одной газеты за 25 талеров в год поставлять оттуда новости. Из Стокгольма, как только представляется случай, Шлёцер перебирается в Упсалу, где в свободные часы посещает местный университет – старейшее учебное заведение в Швеции, предмет особого попечения шведских королей. В переполненной аудитории он слушает лекции профессора ботаники и медицины Карла Линнея и неизменно старается попасть в число двух сотен слушателей, которые сопровождают великого учёного на экскурсиях по Ботаническому саду.

Свои досуги Шлёцер отдаёт университетской библиотеке. Там, среди двухсот тысяч книг и манускриптов хранится драгоценный Codex argenteus («Серебряный кодекс») остготского короля Теодориха Великого – Евангелие VI века на готском языке, написанное на пурпурном пергаменте серебряными (и отчасти, золотыми) чернилами. Буквы прописаны

настолько искусно и резко, что профессор филологии Юхан Ире уверяет всех, будто их впечатывали в пергамент подогретым металлическим шрифтом. Увлечённый его лекциями, Шлёцер не упускает случая выучить наряду со шведским ещё и готский язык, для чего внимательно штудировал свежее издание *Codex argenteus* 1750 года.

Эти занятия пробуждают в нём интерес к древней истории Швеции, которая, по воззрениям шведских учёных, признавалась родиной готов.

Окрестности Упсалы дышат незапамятной стариной. Всего в четырёх километрах от города находится деревня Старая Упсала – первая столица свеев, резиденция конунгов из династии Инглингов, возводивших своё родословие к легендарным временам. Три огромных могильных кургана напоминают об их былой славе. Старинные хроники сохранили жуткие подробности местного религиозного культа. По свидетельству Адама Бременского, ещё при его жизни³ в древней Упсале существовал золотой храм, в котором стояли идолы трёх божественных Асов – Тора, Одина и Фрейра. Чтить их полагалось посредством кровавых треб. В священной роще, неподалеку, на деревьях были развешаны тела принесённых в жертву собак, лошадей и людей.

Ранняя история свеев к тому времени была наиболее полно представлена в первом томе «Истории шведского государ-

³ «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» написаны Адамом Бременским между 1072 и 1076 годами.

ства» (1747) Улофа фон Далина – известного поэта, драматурга, королевского библиотекаря и историографа. Листая этот объёмный фолиант, Шлёцер по касательной знакомится со средневековой русской историей, которая у Далина рисовалась частью истории Швеции. По его утверждению, уже в VIII веке правители Руси «состояли под властью верховных королей Упсальских, от коих они имели происхождение и подпору». Но подлинное слияние двух государств состоялось в 900 году, когда по совету князя Гостомысла на Русь «для взятия наследственных своих земель во владение» был приглашён принц Рюрик (Эрик Биэрнзон), который прибыл в Голмгард / Новгород вместе со своими друзьями или родственниками, Трувором и Синиаугером (Синевом). С их приходом «как бы новый мир воспринял в России своё начало, и в истории сего царства является новый свет. Славяне, составлявшие тогда часть онаго, получили токмо при сем случае и в начале десятого столетия буквы, научились писать, и стали начертывать свои происшествия...». На протяжении нескольких столетий «Гольмгардское государство» состояло «под верховным начальством шведской державы». И только монголы отторгли русский росток от шведских корней, «уничтожили древнюю связь с варягами; помирачили древний блеск, и весь народ преобразили».

Сочинения шведских историков закладывают фундамент исторического образования Шлёцера. Всеобщей истории как предмета в университетских курсах германских уни-

верситетов не существовало. Образованная Германия всё ещё довольствовалась компендиумами средневековых хроник «от сотворения мира».

Целый год проводит Шлёцер в Упсале, после чего едет обратно в Стокгольм. На этот раз он устраивается секретарём к богатому купцу Зееле, который поручает ему вести деловую переписку с немецкими компаньонами. Работа не слишком обременяет его. Сидя в купеческой конторе, он совершенствуется в арабском языке, учит исландский, финский, польский и пишет свой первый научный труд – историографический обзор «Новейшая история просвещения в Швеции».

Зееле нисколько не против того, что у его секретаря так много свободного времени. Напротив, он поощряет научные занятия Шлёцера и предлагает ему написать всемирную историю мореплавания и торговли, обещая дать денег на её издание. Шлёцер быстро выдаёт первый том (на шведском языке), посвящённый мореходству во времена финикийцев, которые, как считалось тогда несомненным, совершали регулярные торговые плавания до самого Земландского полуострова, но этим и ограничивается. Он ни на минуту не забывает, что Провидение ждёт от него совсем других трудов.

В Стокгольме его взоры впервые обращаются в сторону России. Прежние путешественники добирались на Восток по Средиземному морю, так почему бы не стать первопроходцем на новом, почти неизведанном сухопутном пути, пролегающем через земли малоизвестных народов, которые на-

селяют огромную империю русских царей? Подобное предприятие сулит немалые выгоды тому, кто сумеет его осуществить. К тому же в этом случае можно будет рассчитывать на государственную поддержку смелого начинания, ибо какое же правительство не заинтересовано в изучении этнографической физиономии своих подданных?

Шлёцер пишет обстоятельную записку о своих намерениях, с которой обращается к советнику русского посольства в Стокгольме Александру Стахиевичу Стахиеву. Тот выражает готовность в случае необходимости снабдить путешественника рекомендательным письмом к историографу Российской империи Герарду Фридриху Миллеру.

Впрочем, всё это – не более чем прощупывание возможностей. Пока что Шлёцер не чувствует себя достаточно подготовленным к столь ответственной научной миссии. На досуге он набрасывает план действий на ближайшие несколько лет. Прежде всего – изучить конторское дело и заинтересовать своим проектом богатых немецких купцов. Затем потратить год на изучение сельского хозяйства и промышленности, два года провести в Гёттингене, овладевая знаниями из области медицины, естественных наук, математики, и в завершение всего некоторое время пожить в Гамбурге для постижения основ мореплавания.

Приступить к исполнению своего плана Шлёцер поначалу намеревается в Данциге. Но время для поездки туда выбрано неудачно. В Европе бушует Семилетняя война, и в 1758 году

русская армия занимает Восточную Пруссию. Данцигу грозят тяготы осады, поэтому Шлёцер направляется в Любек. Стоящее рядом, в Голштинии, 24-тысячное датское войско пока что служит этому городу надёжным залогом от вовлечения в бедствия войны.

Деловая жизнь в Любеке бьёт ключом. Шлёцер даёт уроки в домах состоятельных горожан, изучает тонкости цеховой бухгалтерии, ведёт с Линнеем переписку по вопросам естествознания и продаёт издателям за хорошую цену два новых своих сочинения: биографии знаменитых деятелей Швеции и собрание шведских исторических анекдотов. Но это все его успехи. Любекские купцы остаются равнодушны к его восточной затее.

Тем не менее заработанные в Любеке деньги позволяют Шлёцеру скрупулёзно придерживаться намеченного плана. Весной 1759 года он возвращается в Гёттинген, чтобы с головой погрузиться в изучение естествознания, медицины, метафизики, филологии, этики, математики, статистики, политики, древнееврейского законодательства, естественного права. Университет присуждает ему учёную степень. От графа Гогенлоэ приходит предложение принять духовный чин и возглавить один из приходов. Шлёцер отвечает отказом. Жизненная цель его неизменна. Одному из друзей он сообщает о своих дальнейших намерениях: «Пробуду здесь вероятно года два, потом поеду в Швецию на полгода, потом в Бордо, потом в Амстердам, потом в Лиссабон, потом в Еги-

пет и Месопотамию».

Он ещё не знает, что в планах Провидения направить его совсем в другую сторону.

Осенью 1760 года на волне успехов армии герцога де Брo-льи в Гёттинген входят французы. В городе размещается гарнизон – пять тысяч отборных гренадёров во главе с генералом Во. Этот старый вояка, искалеченный на восемнадцати осадах, сразу же чинит обветшавшие городские укрепления и приказывает жителям запастись на пять месяцев съестными припасами; кузнецам велено на случай морозов изготовить специальные крюки для взламывания льда на реке и в крепостном рву.

Распоряжения отданы как нельзя вовремя. Вскоре прусскому командующему принцу Фердинанду Брауншвейгскому удаётся отрезать Гёттинген от снабжения. Начинается двадцатидневная блокада. Генерал Во полон решимости отстоять город. Он тревожит неприятеля вылазками и велит замуровать отверстия шлюзов и свод малого моста, вследствие чего под городом происходит сильное наводнение. Осенняя непогода усугубляет бедствие. У пруссаков возникают затруднения с подвозом продовольствия. В довершение всего болезни начинают косить в прусском лагере людей и лошадей. Раздосадованный Фердинанд приказывает снять осаду.

Французы с торжеством располагаются на зимних квартирах. Но в феврале 1761 года Фердинанд внезапно атакует их, вынуждая поспешно бежать, бросив заготовленные склады с

мукой и фуражом. В Гёттингене вновь воцаряется привычный порядок мирной жизни.

Именно теперь в судьбе Шлёцера совершается крутая перемена. И причиной тому стали совершенно посторонние люди.

Философию в Гёттингенском университете читал магистр богословия пастор Антон Фридрих Бюшинг. Со Шлёцером они не были знакомы, вероятно потому, что тот не находил нужным посещать философские лекции. Между тем Бюшинг уже составил себе научное имя как автор ряда богословских и историко-географических трудов. Широкая известность пришла к нему после выхода первых двух томов «Нового землеописания» (1754—1759), где среди прочего содержались подробные сведения о Российской империи, которую он посетил в 1749 году, состоя при датском посланнике графе Линаре в должности воспитателя его старшего сына. В Петербурге он познакомился со своим земляком профессором Герхардом Миллером, незадолго перед тем получившим звание русского историографа. После возвращения Бюшинга в Германию они состояли в переписке.

В конце 1760 года на Бюшинга навалилась хандра, вызванная трениями с университетским начальством. Тремя годами ранее в своей диссертации на соискание степени доктора богословия он позволил себе высказать несколько неортодоксальных идей, и был заподозрен в ереси. Его попросили отказаться от богословских лекций и не печатать бого-

словских сочинений без предварительного согласия ганноверского тайного совета. Во время блокады Гёттингена Бюшинга терзала сильнейшая горячка, которая отняла у него последние силы и заставила думать о близкой смерти. Его жена Христина Дильтей – знаменитая в то время поэтесса и почётный член Гёттингенского учёного общества, всегда помогавшая мужу в научных занятиях, не могла рассеять его тоску.

Бюшинга вернуло к жизни приглашение из далёкой России. Тамошние немецкие друзья предлагали ему занять место пастора при самой большой и богатой лютеранской церкви в Петербурге – Петрикирхе (церковь Св. Петра).

На исходе зимы 1761 года Бюшинг начал готовиться к новой поездке в Россию. В это время он получил письмо от своего старого приятеля Миллера. Российский историограф, заваленный горой архивных материалов, которую он не был в состоянии разобрать в одиночку, искал себе в Германии толкового помощника, а точнее, архивного раба и переписчика. Но самостоятельные поиски его были безуспешны. Он даже напечатал в кёнигсбергской газете объявление о том, что «ищет немецкого студента, который первое время был бы у него домашним учителем, но которому, в случае его согласия, предоставит участие в своих занятиях и со временем, особенно если он научится по-русски, определит на службу в Академию». Однако охотников корпеть над русскими архивами так и не нашлось.

И вот теперь Миллер обратился к Бюшингу с просьбой до отъезда в Петербург помочь ему в поисках подходящего кандидата.

У Бюшинга тоже нет на примете никого, кто бы отвечал запросам Миллера. И всё же он с готовностью берётся исполнить дружеское поручение. Одного за другим он опрашивает своих коллег, не укажут ли они на честолюбивого студента с авантюрными наклонностями. Те пожимают плечами в ответ, как вдруг профессор Михаэлис заявляет, что, кажется, знает нужного человека.

Шлёцер, приглашённый к Михаэлису для беседы, конечно, ошеломлён услышанным, а ещё больше тем, что обожаемый учитель настойчиво подталкивает его в направлении Петербурга, подкрепляя свои убеждения теми же доводами, какими Шлёцер приводил сам себе в Стокгольме, когда составлял записку Стахиеву. План экспедиции на Восток, говорит Михаэлис, не только может быть легко соединён с новым проектом путешествия в Россию, но даже выиграл бы от этого. Новизна маршрута придаст этой поездке особенный интерес, само путешествие совершится удобнее и безопаснее, потому что, без сомнения, русская Академия, а, быть может, и русское правительство окажет Шлёцеру покровительство. Влияние же России при стамбульском дворе доставит ему выгоды, какими не пользовался ни один европейский путешественник.

Совершить далёкое путешествие, имея в виду ещё более

дальнее? К этому Шлёцер готов. Его смущает лишь то, что, приняв предложение Миллера, он поставит свой проект в зависимость от чужой воли. Ведь он уже недалёк от цели. Шестилетние усилия по сбору средств на путешествие принесли плоды. В настоящее время он владеет капиталом в размере 200 червонцев, и в его планах за короткий срок удвоить или даже утроить его. Ещё два-три года, и он сможет пуститься в путь за свой счёт.

Но слово Михаэлиса имеет над Шлёцером неоспоримую власть. К тому же из головы у него не выходит пример Карстена Нибура. Имя этого ровесника Шлёцера было у всех на слуху. Ничем не примечательный выходец из крестьянской семьи, Нибур с грехом пополам изучал в Гёттингене математику и геометрию, как вдруг увлёкся картографией и уехал в Данию, где присоединился к экспедиции, снаряжённой королём Фредериком V для исследования природы, этнографии и экономики Египта, Сирии, Аравии и Ирана. Не далее, как в январе 1761 года Карстен Нибур и его спутники отплыли из Копенгагена, держа курс в египетскую Александрию. Событие это широко освещалось в прессе.⁴

Это ли не вдохновляющий образчик благотельного сотрудничества науки и власти? И разве умный человек при посредстве влиятельных покровителей не сможет склонить

⁴ Аравийский климат убьёт всех путешественников, кроме гёттингенского выпускника, которому суждено будет стать первооткрывателем мусульманского мира для европейских учёных, автором классического «Описания Аравии», составителем первых карт Йемена и восточной части Красного моря.

к тому же русское правительство?

Шлёцер отправляется к Бюшингу, и они ударяют по рукам: за сто рублей годового жалованья Шлёцер берётся учить детей Миллера и помогать ему в учёных занятиях. Скромное вознаграждение не смущает его. Он уверен, что со своими трудолюбием и эрудицией в короткое время создаст себе приличное положение в Петербурге.

14 марта Шлёцер пишет Миллеру обстоятельное послание с изложением своего послужного списка, упоминанием о беседе со Стахиевым и подробным описанием «апокалипсиса» (как он сам называет свой план путешествия на Восток). Ему важно, чтобы его наниматель хорошенько усвоил, что имеет дело не с бедным студентом, ищущим заработка в чужих странах, а с человеком, имеющим перед собой даже не цель, а – высокое предназначение. Впрочем, он заверяет Миллера, что готов со всем усердием заниматься русской историей не только до восточного путешествия, но и после возвращения. Пока же он просит позволения отложить отъезд до конца лета, чтобы закончить все дела в Гёттингене и лучше подготовиться к новым занятиям в Петербурге.

Миллер в ответном письме соглашается на отсрочку, а относительно путешествия уверяет, что для него «в России легко встретится случай». В августе он присылает деньги на дорогу – десять червонцев. Шлёцер про себя презрительно хмыкает: «Петербургский сапожник не выслал бы меньше подмастерью, которого выписал из Германии!» Жаловаться,

однако, не на что, сумма вполне соответствует оговоренному жалованию.

19 августа наступает день отъезда из Гёттингена. Простившись с Михаэлисом, Шлёцер отправляется в Любек. Там его ждёт последнее искушение. Местный синдик⁵ и соборный настоятель Дрейер, который познакомился со Шлёцером во время его проживания в Любеке зимой 1758—1759 годов, неожиданно предлагает ему место профессора философии и филологии в только что основанном университете в Бютцове. По его словам, Шлёцеру нужно отказаться от путешествия в Россию и иметь терпение дождаться благоприятного решения герцога Мекленбургского, которое Дрейер как один из его ближайших советников готов гарантировать.

Но Шлёцер остаётся непоколебим. Ехать, ехать в Россию, а там, если Богу будет угодно, – в Аравию или даже в Персию, Индию, всё равно! Главное, поскорее очутиться в одной из восточных стран, а там уж он сумеет выстроить нужный ему маршрут.

15 сентября он устраивает последние дела – едет в Гогенлоэ проститься с матерью и оставляет на её имя в любекском торговом доме восемьсот марок.

Остаётся найти надёжное судно. Ежегодно между Любеком и Петербургом совершается сто рейсов. Но морской сезон близится к завершению, зафрахтованные корабли в пор-

⁵ Глава городского самоуправления, управляющий делами корпорации, университета и т. д.

ту Травемюнде исчисляются единицами. Шлёцер выбирает шхуну капитана Иоганна Граапа. Это общительный рослый силач. Цепкое пожатие его клешни может выдержать не каждый, и он, смеясь, рассказывает про то, как недавно на радостях так сердечно пожал руку своей невесте, что та в течение двух недель должна была лечить мазями образовавшуюся гематому. Вместе с тем он чрезвычайно любезен и просит за свои услуги приемлемую сумму.

Однако покинуть порт не так-то просто. Жестокий нордост сутками напролёт не позволяет судам взять курс на восток. Лишь в ночь на 21 сентября ветер стихает, и с рассветом капитан Граап приказывает начать погрузку. К вечеру корабль под завязку набит бочками, тюками и ящиками.

В назначенный час Шлёцер приезжает в порт, но его багаж запаздывает. Большой дорожный сундук, втащенный на борт в последний момент, матросы оставляют на палубе, привязав верёвками за оба борта.

Закатное небо неприятно краснеет, возвещая о том, что погода вновь начинает портиться. Звучит команда «Отдать швартовы!». Шлёцер бросает прощальный взгляд на линию домов с островерхими крышами, за которыми высится зелёный шпиль церкви святого Лоренцо, и спускается в трюм.

Едва корабль отходит от причала, как любезность капитана словно волной смывает. Обаятельный здоровяк превращается в грубого и скарёдного диктатора. Пассажиры, – все тринадцать человек, – размещаются в узкой капитанской ка-

юте, доверху заставленной мешками и ящиками. Тут же ставят клетки с канарейками, попугаями и девятью обезьянами. В издаваемую этой живностью какофонию вносят свою лепту трое беспрестанно хнычущих детей и бездетная семейная пара, которая развлекается скандалами и драками.

Единственным приличным человеком в этой компании кажется офицер, называющий себя графом. Он держится, как завсегдатай большого света. Его манеры, дорогой туалет и большая шпага вызывают почтение у окружающих. Однако быстро выясняется, что от него следует беречь чемоданы и карманы. У одного из обитателей капитанской каюты внезапно бесследно пропадает шапка, у другого – шёлковые чулки, а Шлёцер чуть было не расстаётся с серебряными пряжками к башмакам, которые, впрочем, ему удаётся без лишнего шума изъять обратно.

Ещё хуже то, что вместе с настроением капитана меняется и погода. Из-за сильного встречного ветра шхуна уже на следующий день возвращается в Травемюнде и трое суток стоит на приколе. С 25 сентября по 12 октября капитан Граап предпринимает ещё три неудачные попытки выйти в море. И каждый раз, когда судно вновь бросает якорь на рейде, он гонит пассажиров из каюты на берег, чтобы сберечь расходы на стол.

Шлёцер вместе со всеми вынужден нести непредвиденные траты на гостиницу и пропитание. Мало того, он едва не лишается всех своих вещей. Во время последнего выхода в мо-

ре буря так сильно треплет корабль, что рвётся одна из верёвок, удерживающих его дорожный сундук, и тот чуть не улетает за борт. Матросы втягивают его за вторую верёвку обратно на палубу, но всё содержимое сундука – бельё, книги, бумаги – промочено. Как только буря стихает, Шлёцер вынимает вещи для просушки, а когда складывает их обратно, обнаруживает пропажу двух раритетных изданий Библии. Сомнений нет, вор – кто-то из команды. Шлёцер жалуется капитану и слышит в ответ, что виновный будет наказ тотчас, как только Шлёцер назовёт его имя!

Одну из двух пропавших Библий Шлёцер потом увидит у какого-то петербургского книгоноши и выкупит за один рубль.

Наконец, 17 октября капитану Граапу удаётся вырваться из проливов в открытое море. Спустя девять дней шхуна становится на рейд в виду острова Готланд. Здесь путешественников ждёт новая напасть. Рыбак, который вызвался проводить судно в гавань, оказывается обманщиком, любителем лёгких денег. Не зная фарватера, он наводит судно на каменистый грунт, где невозможно укрепиться якорю. Малейший восточный ветер грозит выбросить шхуну на берег.

Капитан Граап распоряжается произвести два пушечных выстрела – сигнал бедствия. Но никто не спешит на помощь. Между тем на берегу, словно стая стервятников, скапливается разбойная толпа в надежде поживиться тем, что останется после кораблекрушения. Капитан в ярости мечется по па-

лубе с пистолетом в руках, клянясь пристрелить незадачливого лощмана, которого он считает пособником мародёров. Пассажиры смотрят на всё это в глухом молчании и ожидают неминуемой смерти. Однако всё кончается благополучно. Вечером шхуна всё-таки причаливает к берегу, и пассажиры отправляются на поиски ночлега.

Заночевать в гостиничном номере нельзя – на всём острове нет ни одной гостиницы. Ближайшим жильем оказывается крестьянская изба, в которой празднуют свадьбу. Некоторые спутники Шлёцера присоединяются к танцующим, а сам он присаживается к старикам и проводит остаток вечера, рассказывая им о новостях Семилетней войны.

Наутро путешественники воочию видят, какой беды они избежали. В отдалении высятся голые мачты корабля, две недели назад выброшенного на прибрежные камни. Это зрелище навеивает на Шлёцера мрачные мысли: кончается октябрь, а он ещё не преодолел и половины пути до Петербурга! В прежние времена, если верить Адаму Бременскому, путь от Гамбурга до русских пределов занимал не больше трёх недель.

Зеркало показывает ему утомлённого человека с длинной бородой и в бараньем тулупе.

Целую неделю непогода не позволяет продолжить плавание. Крестьяне могут предложить гостям только морские сухари, поэтому пассажиры вскладчину покупают барана. Капитан Граап всю неделю обедает за общим столом, а потом

требует платы за эти дни, как будто это он угощал пассажиров.

От тоски Шлёцер берётся за свои рукописи и составляет выжимку из лекций Иоганна Георга Рёдерера⁶ о патологиях у новорождённых.

1 ноября приходит избавление из готландского плена. Шхуна поднимает паруса и выходит в море. Однако общая радость длится недолго. Начинается жесточайший шторм. На глазах у Шлёцера и его спутников погибает встречное судно. К счастью, капитан Граап успевает подобрать немногочисленную команду; пассажиры делятся со спасёнными бельём и одеждой.

При входе в Финский залив, у западной оконечности острова Даго, выстрелами зовёт на помощь ещё один терпящий бедствие корабль, но на этот раз у судна капитана Граапа нет никакой возможности подойти к нему.

5 ноября возле Гогланда Шлёцер в продолжение полуминутой слышит под днищем шаркающий звук, который никогда не забудет – это шхуна проходит по песчаному мелководью. И вновь опасное приключение не имеет неприятных последствий.

Пережитые передряги резко обостряют аппетит у пассажиров. Но капитан Граап предлагает им одну кашу, несолённую и без масла. Провиант на судне закончился, уверяет он.

⁶ Профессор анатомии, хирургии и повивального искусства Гёттингенского университета.

Так продолжается несколько дней, до тех пор, пока один из пассажиров случайно не находит в боковой стенке каюты целый тайный склад колбас и окороков. Капитан Граап, разумеется, не приглашён на пиршество. Зато тем, у кого иссяк запас табака, приходится совсем туго: некоторые страдалцы даже набивают свои трубки стружкой, соскобленной с просмоленных бочек.

А Борей продолжает вздымать тяжёлые волны, в которых уже поблёскивают куски льда. Кажется, что и сама шхуна смертельно устала от бесконечного лавирования. Недалеко от шведского Фридрихсгама⁷ судно накрывает метель, и капитан Граап принимает решение бросить якорь у одного из скалистых островов, в нескольких километрах от материка. На нём нет ни горсти земли, так что местные жители хоронят своих покойников, просто оставляя непокрытые гробы между камнями, на растерзание птицам. Здесь нельзя достать ни молока, ни масла, а вместо торговли происходит обмен: любая нужная вещь меняется на табак. Шлёцер не может отделаться от впечатления, что видит аборигенов Северной Америки, только говорящих по-шведски.

Пассажиры сходят на берег. Плавание закончилось, но путешествие – ещё нет.

Шлёцер с несколькими спутниками сразу же переправляется во Фридрихсгам. Там, наконец, он может черкнуть несколько слов Миллеру с объяснением причин своего опоз-

⁷ Совр. Хамина.

дания.

Оставшиеся двести километров до Петербурга Шлёцер продельывает на санях. Его поражает крайняя бедность финских крестьян. Он вспоминает слова Тацита, сказанные семнадцать веков назад об их предках: «У феннов⁸ – поразительная дикость, жалкое убожество... Они достигли самого трудного – не испытывать нужды даже в желаниях». Похоже, с тех пор ничего не изменилось.

Однажды ночью окоченевший от холода Шлёцер вылезает из саней и входит в финскую избу. Помещение натоплено по-чёрному, от чего гостю становится дурно. Едва живой, он выходит за дверь и валится в обморок. Никто не беспокоится о нём, пока четверть часа спустя он сам не приходит в чувство...

11 ноября, на исходе седьмой недели путешествия, Шлёцер въезжает в Петербург. Возница правит к дому Миллера на Васильевском острове. Возле биржи Шлёцер замечает знакомые очертания шхуны славного капитана Граапа. Оказывается, как только пассажиры сошли с корабля, ветер сделался благоприятный.

⁸ В настоящее время считается, что под этим этнонимом подразумеваются саамы.

Переодетый маркиз

Двухэтажный каменный дом академика Миллера стоял на берегу Невы в 13-й линии Васильевского острова, примыкая северной частью двора к Иностранному переулку.⁹ Окна с восточной стороны выходили на здание Морского кадетского корпуса. Миллер купил этот дом у прежних хозяев, князей Голицыных, в 1759 году, с большой для себя выгодой.

Шлёцер подъехал к дому Миллера в сумерках, незадолго до обеденного часа. Его приняли, как родного, и поселили в одной из комнат, отведённых для гостей.

Новое жилище пришлось Шлёцеру по душе. С первого взгляда было заметно, что хозяин живёт в счастливом довольстве. Занимаемые Миллером должности профессора, секретаря Академии и российского историографа приносили ему 1700 рублей ежегодного жалованья. Этих денег с лихвою хватало на «хороший немецкий стол» и содержание своего экипажа, чего обычный профессор позволить себе не мог.

Жильцы дома делились на три класса. Во-первых, – семейство Миллера, которое состояло из жены, троих родных детей и падчерицы. Затем – многочисленная прислуга, на-

⁹ В 1920-х годах бывший дом Миллера (№ 4) был объединён с домами № 6 и 8 в протяжённый трёхэтажный корпус. В 2004—2006 годах на его месте построен бизнес-центр «Голицын».

бранная из представителей разных народов: кучер и несколько наёмных служанок (некоторые из них уже обзавелись маленькими детьми) были русскими; ключами от комнат, чуланов и погребов заведовала шведка; крепостных людей было двое – чухонка, родом из Финляндии, и её четырнадцатилетний сын (российский закон запрещал иностранцам иметь русских крепостных, исключение делалось только для фабрикантов). Все они бродили по дому по делу и без дела, создавая постоянную толчею и беспорядок. Шестимесячный ребёнок, ползущий вверх по высокой лестнице, ни у кого не вызывал удивления.

Третий класс обитателей дома составляли постояльцы. Пример барона Остермана – изгнанника из Йенского университета, добившегося в России высоких чинов и должностей, – привлекал в Петербург толпы немецких студентов. Миллер охотно предоставлял кров своим землякам и талантливым молодым людям из других краёв. Некоторым из них он подыскивал места домашних учителей, других оставлял у себя и давал им заработок, привлекая к переписыванию архивных рукописей. Ко времени приезда Шлёцера у Миллера жили и столовались четверо студентов, к которым вскоре присоединился пятый.

Благодаря смешению народностей в доме постоянно слышались четыре языка: немецкий, русский, финский, шведский, и часто пятый, французский, – на нём Миллер беседовал с приезжими знаменитостями и иностранными послан-

никами, которые находили нужным посетить российского историографа.

Комната Шлёцера на втором этаже, просторная и светлая, отапливалась печью; дрова были дешёвы, так что зябнуть ему не пришлось. Другие постояльцы жаловались на клопов – насекомые докучали даже тем, кто спал на железных кроватях, отодвинутых от стен. Однако Шлёцер с удовлетворением замечает в своих записках, что его сон ни разу не был нарушен укусами паразитов.

Он горит желанием поскорее начать знакомство с русской столицей. Вместо этого ему приходится шесть недель провести в своей комнате на положении затворника.

Причиной тому была досадная неосторожность, допущенная им во время плавания.

Чтобы убить время, пассажиры корабля развлекались нехитрой игрой. На палубе чертился мелом большой четырёхугольник, поделённый на девять маленьких; попадание в один из них приносило выигрыш или проигрыш. Биткой служил свинцовый диск, вдвое больше талера, бросаемый с некоторого расстояния. Однажды неверно брошенная кем-то свинчатка попала Шлёцеру в лодыжку. Крови вышло не много, поэтому случившееся не вызвало у него беспокойства. Однако ранка не заживала. В Петербурге Шлёцер показал её домашнему врачу Миллера, доктору Энсу. Тот нашёл осложнение серьёзным, и запретил больному выходить из дома. Четыре недели рана не закрывалась, но и после то-

го Шлёцер должен был, выполняя предписания врача, ещё больше двух недель, по несколько часов сряду, неподвижно сидеть на диване, положив больную ногу на стул.

Отдушиной в его заточении были продолжительные беседы с хозяином дома. Обедал и ужинал он за одним столом с семейством Миллера, кроме того, почти всегда выходил к утреннему и послеобеденному чаю. В эти часы между ними и завязывался разговор.

Миллер в свои пятьдесят шесть лет был ещё картинно красив – природной крепкой статью – и бодр духом. «О характере его, – пишет Шлёцер, – уже в первые недели я составил себе понятие, которое после продолжительных сношений с ним мне не пришлось изменять. Он мог быть чрезвычайно весел, нападал на остроумные, причудливые мысли и давал колкие ответы; из маленьких глаз его выглядывал сатир. В его образе мыслей было что-то великое, правдивое, благородное. В отношении достоинства России... он был горячий патриот, и в суждениях о недостатках тогдашнего правительства, которых никто лучше его не знал, был крайне сдержан».

Единственным крупным недостатком Миллера была вспыльчивость. Но Шлёцеру, несмотря на подчинённое положение, ни разу не пришлось испытать на себе вспышек его гнева.

Собеседники сразу проникаются живым интересом друг к другу. Миллер с радостью обнаруживает в Шлёцере ходячую

библиотеку, из которой можно выудить сведения обо всех новинках европейской историографии за последние тридцать лет. Тот, в свою очередь, умело поставленными вопросами даёт Миллеру повод часами изливать перед ним своё неисчерпаемое богатство знаний о России.

На своё положение в доме Миллера Шлёцер смотрит философски: то обстоятельство, пишет он, «что Миллер требовал только времени на испытание за 100 руб. в год, с исполнением обязанности домашнего учителя, — это меня так мало беспокоило, я считал это так мало унижительным и незначительным, как в романах молодой маркиз, который, чтобы с честью овладеть своею донною, исполняет несколько месяцев инкогнито обязанности егеря, при желаемом тесте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.